

Это было внеочередное собрание всех членов фирмы. Едва протиснувшись в зал заседаний, я уловил, что дела очень серьезны. Старик Хардинг обратился к собравшимся первым:

— Боюсь, у меня для вас скверные новости. Вчера у Джулиана Мэнтла случился тяжелый сердечный приступ в зале суда, когда он выступал по делу авиакомпании «Эйр Атлантик». Сейчас он в реанимации, но врачи заверили меня, что его состояние уже стабилизировалось и он поправится. Однако Джулиан принял решение, о котором, полагаю, вам всем следует знать. Он решил покинуть нашу семью и отказаться от юридической практики. Он не вернется на фирму.

Я был потрясен. Я знал, что у Джулиана хватает неприятностей, но никогда не думал, что он уйдет. К тому же после всего, что мы пережили вместе, я считал, что с его стороны было бы тактичнее сообщить мне о своем решении лично. Он даже не пожелал, чтобы я навестил его в больнице. Медсестрам было велено говорить мне, что он спит и его нельзя тревожить, в какое бы время я ни зашел. Он даже отказался отвечать на мои телефонные звонки. Может, я напоминал ему о той жизни, которую он хотел забыть. Кто знает? Скажу вам лишь одно. Мне было больно.

Все это случилось больше трех лет назад. Позднее Джулиан отправился в какую-то экспедицию в Индию — это было последнее, что я о нем слышал. Он сообщил одному из своих партнеров, что желает упростить свою жизнь и «отыскать ответы на некоторые вопросы» и надеется найти их в той загадочной земле. Он продал свой особняк, свой самолет и свой собственный остров. Он даже продал свой «феррари». «Подумать только, Джулиан Мэнтл — индийский йог, — размышлял я. — Порой Закон оборачивается крайне неожиданной стороной».

За эти три года из молодого, работающего сутками напролет юриста я превратился в матерого, немного циничного адвоката. У нас с Дженни уже была своя семья. Со временем я и сам занялся собственными поисками смысла. Думаю, причиной тому послужили мои дети. Они коренным образом изменили мой взгляд на мир и мое место в нем. Лучше всех это сформулировал мой отец: «Джон, на смертном одре ты не будешь себя корить за то, что мало пропадал на работе». Так я потихоньку начал проводить больше времени дома. Я стал вести довольно приятное, пусть и заурядное, существование. Я вступил в Ротари-клуб и по субботам играл в гольф, дабы осчастливить моих клиентов и партнеров. Но, вынужден признаться, в спокойные минуты я часто думал о Джулиане и задавался вопросом, что же стало с ним за годы, истекшие после нашей внезапной разлуки.

Возможно, он обосновался в Индии, стране столь разнообразной, что даже его неугомная душа способна была найти себе там пристанище. Или, быть может, он путешествовал по Непалу? Или нырял с аквалангом на Каймановых островах? Одно было ясно — к своему ремеслу юриста он не вернулся. Никто даже открытки от него не получил после того, как он отправился в добровольную ссылку, подальше от Закона.

Приблизительно два месяца назад раздался стук в мою дверь, который принес мне первые ответы на некоторые из этих вопросов. То был конец изнурительного дня, я только что распрощался с последним клиентом, когда Женевьева, моя сообразительная помощница, просунула голову в мой кабинет.

— К тебе посетитель, Джон. Говорит, что это срочно и что он ни за что не уйдет, не побеседовав с тобой.

— Я уже ухожу, Женестьева, — нетерпеливо ответил я. — Надо еще успеть что-то перекусить и закончить с документами Гамильтона. Сейчас у меня ни для кого нет времени. Предложи ему записаться на прием в общем порядке и вызови охранника, если он не уймется.

— Но он говорит, ему действительно нужно тебя видеть. Отказ его не устраивает!

Какое-то мгновение мне хотелось-таки вызвать охранника, но, подумав, что кому-то действительно может быть нужна срочная помощь, я решил вооружиться терпением.

Я уступил: «Ладно, пусть войдет». Как знать, если человек действительно пришел по делу, я, возможно, смогу извлечь из этого какую-то пользу.

Дверь в кабинет отворялась медленно. Когда она распахнулась настежь, за ней предстал улыбающийся человек лет тридцати с лишним. Рослый, худощавый и мускулистый, он излучал жизненную силу и энергию. Он напомнил мне золотую молодежь, с которой я учился на юрфаке, — холеных ребят из благополучных семей, живущих в благоустроенных домах, разъезжающих в шикарных автомобилях. Но в моем посетителе было что-то большее, чем приятная моложавая внешность. Глубокое умиротворение придавало ему нечто почти божественное. И эти его глаза. Голубые глаза, пронизывающие меня насквозь, словно лезвие бритвы, которое касается нежной кожи взволнованного от первого бритья подростка.

«Еще один новоиспеченный талант, метящий на мое место, — сказал я себе. — Да что ж это он так меня рассматривает? Надеюсь, что это не его жену я защищал на крупном бракоразводном процессе, выигранном на прошлой неделе. Может, в конце концов, действительно стоило вызвать охранника».

Молодой человек продолжал созерцать меня, подобно Будде, одаряющему улыбкой своего любимого ученика. После затянувшейся неловкой паузы он вдруг заговорил неожиданно уверенным тоном.

— Так ты встречаешь всех своих гостей, Джон? Даже тех, кто научил тебя науке выигрывать процессы? Надо было мне все свои секреты оставить при себе, — при этих словах его полные губы расплылись в широкую, открытую улыбку.

Глубоко внутри у меня что-то странно шевельнулось. Я тут же узнал этот низкий, мягкий голос. Мое сердце сильно застучало.

— Джулиан? Ты? Не могу поверить! Это правда ты?

Громкий смех гостя подтвердил мою догадку. Молодой человек, стоящий передо мной, был не

кто иной, как давно исчезнувший индийский йог Джулиан Мэнтл. Я был ошеломлен его невероятным преображением. Куда подевались мертвенный цвет лица, нездоровый кашель и безжизненные глаза моего бывшего коллеги? А вместе с ними старческий вид и циничный взгляд, ставшие в свое время его визитной карточкой? Вместо этого стоящий передо мной мужчина выглядел отменно здоровым, его гладкое лицо излучало живой свет. Его глаза светились внутренней жизненной силой. Но, наверное, еще более удивительным было внутреннее спокойствие, исходившее от Джулиана. Я чувствовал себя совершенно умиротворенным просто оттого, что сидел рядом и смотрел на него. Это не был больше беспокойный «доминантный» тип ведущего сотрудника преуспевающей юридической фирмы. Человек, стоящий передо мной, был молодым, полным сил — и улыбающимся — воплощением перемен.

<http://tl.rulate.ru/book/21787/453943>